

RU

Мифологизация родины в романе Теодора Каллифатидеса «Прошлое – это не сон»

Моркина М. А.

Аннотация. Цель исследования - определить особенности мифологизация родины в автобиографическом романе «Прошлое - это не сон» (шв. *Det gångna är inte en dröm*) современного шведского автора греческого происхождения Т. Каллифатидеса (шв. *Th. Kallifatides*). Научная новизна исследования заключается в подходе к современной шведской литературе с точки зрения постколониального концепта ВЫМЫШЛЕННОЙ РОДИНЫ (англ. *imaginary homeland*). В результате доказано, что древнегреческая мифология в выбранном для анализа романе становится опорой и материалом для современного мифа о причастности индивидуальной национальной идентичности к «великим нарративам» прошлого.

EN

Homeland Mythologization in the Novel “The Past Is Not a Dream” by Theodor Kallifatides

Morkina M. A.

Abstract. The purpose of the study is to determine the features characterising homeland mythologization in the autobiographical novel “The Past Is Not a Dream” (Sw. *Det gångna är inte en dröm*) by the modern Swedish author of the Greek origin Th. Kallifatides. Scientific novelty of the study lies in approaching the modern Swedish literature from the standpoint of the postcolonial concept IMAGINARY HOMELAND. As a result, it is proved that the ancient Greek mythology in the novel chosen for the analysis becomes a foundation and material for creating a modern myth about an individual’s national identity belonging to “great narratives” of the past.

Введение

Актуальность темы исследования обуславливают факты современной шведской истории и политики. Открыв во второй половине XX в. свои двери для трудовых мигрантов, а также для политических и религиозных беженцев, Швеция за несколько десятилетий превратилась в многонациональную и многокультурную страну. Вышедшие на литературную арену «новые шведы» (шв. *nysvenskar*) вывели на первый план в своих произведениях проблему адаптации, интеграции и культурной идентичности выходцев из других стран. Среди популярных и успешных шведских писателей иностранного происхождения следует особо отметить Теодора Каллифатидеса (р. 1938, шв. *Theodor Kallifatides*), Юнаса Хассена Хемири (р. 1978, шв. *Jonas Hassen Khemiri*), Юханнеса Аньюру (р. 1979, шв. *Johannes Anyuru*), Марджане Бахтиари (р. 1980, шв. *Marjaneh Bakhtiari*) [2, с. 85; 3, с. 1436].

Упоминание в аннотации статьи постколониального концепта ВЫМЫШЛЕННОЙ РОДИНЫ справедливо может вызвать вопрос, являются ли идеи постколониальной теории подходящим инструментом для описания и интерпретации современной шведской литературы, поскольку Швеция никогда не имела колоний в странах Африки и Азии. Тем не менее, рассматривая современную шведскую литературу как часть литературы постколониальной, мы исходим из тезиса о том, что мультикультурализм, свойственный в той или иной степени всем странам Европы послевоенного периода, является прямым следствием постколониального положения вещей в мире, для которого характерны, в частности, трудовая и военная миграции, сосуществование различных культур на фоне принимающей, размытие культурной идентичности, с одной стороны, и, с другой – желание четко ее определить и т.д. Кроме того, в арсенале авторов оказывается довольно широкий спектр способов литературной репрезентации культурной инаковости, в частности, наличие в тексте культурных маркеров и отсылки к местным литературным традициям. Соответственно, многие черты постколониального литературного письма присущи и современной шведской литературе, следовательно, рассмотрение её в рамках идей постколониальной научной парадигмы представляется нам оправданным [Там же].

В данной статье исследуется такая особенность постколониальной литературы, как предпочтение авторами одних фактов национальной истории и культуры другим с целью формирования чувства культурной принадлежности (англ. *cultural belonging*). Представляя отдельно выбранные элементы как целую национальную культуру и историю, авторы и их герои формируют образ т.н. «вымышленной родины» (англ. *imaginary homeland*).

Для достижения указанной цели следует решить ряд задач: во-первых, теоретически обосновать причины предпочтения одних элементов национальной культуры и истории другим; во-вторых, проследить за конкретными проявлениями данной особенности постколониальной литературы в романе Т. Каллифатидеса «Прошлое – это не сон»; в-третьих, сделать выводы о влиянии «вымышленной родины» на чувство культурной принадлежности авторов и протагонистов.

Для реализации поставленных задач использованы следующие методы исследования: историко-генетический, психоаналитический, герменевтический.

Теоретической базой исследования послужили работы, предметом которых является проблема формирования культурной идентичности и чувства принадлежности. Так, Б. Андерсон (англ. *B. Anderson*) [1] создал концепцию «воображаемых сообществ», подразумевающую, что нации являются социальным конструктом, основанным на представлении группы людей о своей общности, С. Рушди (англ. *S. Rushdie*) [8] ввел понятие «воображаемой родины», ставшее предметом данного исследования, Г. Хагган [5] (англ. *G. Huggan*) изучает процессы «экзотизации» в постколониальной литературе, Х. М. Деннис (англ. *H. M. Dennis*) [4] исследует пространство и пространственную эстетику в литературе XX в., П. К. Найар (англ. *P. K. Nayar*) [7] обобщает основные установки постколониальной теории.

Практическая значимость исследования заключается в том, что раскрываемый в статье материал может использоваться для перспективы включения современной шведской литературы о мигрантах в рамки постколониальной культурной парадигмы, что будет способствовать лучшему пониманию схожих процессов, происходящих в современной литературе других европейских стран, никогда не владевших колониями и традиционно считавшихся «периферийными» [2, с. 85; 3, с. 1436].

Кроме того, материалы исследования могут быть использованы в вузах гуманитарной направленности и на филологических факультетах в рамках спецкурсов и спецсеминаров по истории зарубежной литературы и компаративистике. Полученные данные могут найти применение в процессе учебно-методической деятельности при создании учебников и учебных пособий по концепциям современной теории литературы [3, с. 1436].

«Вымышленная родина» в постколониальной литературе

Говоря о постколониальных исследованиях, невозможно не упомянуть о влиянии работ Бенедикта Андерсона на формирование сегодняшнего понимания нации и идентичности. В «Воображаемых сообществах» (1991, англ. *Imagined Communities*) [1] теоретик культуры указал на ту исторически сложившуюся закономерность, что чувство принадлежности к какой-либо нации всегда являлось популистским конструктом, так же, как мифы и религии, и обращалось к воображению. Именно благодаря национализму, основанному исключительно на представлении о некой общности, человек может ощущать себя «родственником» людей, которых он, возможно, никогда не встречал и никогда не встретит. Нация, а следовательно, и родина, является, по Андерсону, не конкретной физической единицей, а продуктом массового воображения, находящимся в процессе постоянного конструирования [7, р. 146].

В отношении постколониальных обществ данная закономерность выражается в том обстоятельстве, что их представители конструируют свою историю, принимая одни элементы своего прошлого и отвергая (то есть маргинализируя) при этом другие, а затем выставляют выбранные элементы как целую национальную культуру и историю [Ibidem, р. 83]. Нередко для воссоздания образа родины постколониальные авторы обращаются к мифологии, национальным литературным и музыкальным традициям, типичной для местности архитектуре, природе и т.д. Обращение к национальным культурным практикам и кодам на языке постколониальных исследований получило название «нативизм» (англ. *nativism*) и является способом самоутверждения и «возвращения к корням» [Ibidem, р. 88]. Давая отсылки к национальным традициям, постколониальные авторы создают пространство, в котором они сами и их герои могут почувствовать свою принадлежность к нации (англ. *cultural belonging*), что особенно популярно среди писателей, находящихся вдали от родины и испытывающих необходимость почувствовать себя частью культуры, родной для сотен тысяч других людей [Ibidem, р. 147].

Стоит отметить, что сами постколониальные авторы описывают данную особенность своей литературы яркими метафорами, например, Салман Рушди пишет о так называемых «Индиях воображения» или «Воображаемых Индиях» (англ. *Indias of the minds*) и вводит понятие «вымышленной родины» (англ. *imaginary homelands*) [8], которое мы используем в данной работе.

Одновременно с этим обращение к мифологии, фольклору, родному языку, по мнению Грэйама Хаггана, часто превращается в т.н. «постколониальную экзотику» (англ. *postcolonial exotic*) – литературное явление, при котором фокус авторов смещается с «аутентичности» на «экзотизацию» своей культуры для «потребления» её читателем новой страны, в которой произведение написано [5].

Предположительно, стремление авторов и их героев утверждать свою культурную принадлежность и чувствовать себя частью нации объясняет их склонность выбирать одни элементы прошлого и отвергать другие, формируя у читателя и у самих себя образ родины, построенный исключительно на воображении, выдаваемый,

однако, за целостный и реальный, а введение в повествование элементов мифологии и фольклора способствует восприятию родины как сказочного пространства и одновременно служит культурным маркером, по которому реципиент может «опознать» представителя определённой нации. Обращаясь к мифологии, авторы создают опору и материал для современного мифа о причастности индивидуальной национальной идентичности к «великим нарративам» прошлого. Чтобы подтвердить или опровергнуть данное утверждение, обратимся к тексту романа Т. Каллифатидеса «Прошлое – это не сон».

Мифологизация родины в романе Теодора Каллифатидеса «Прошлое – это не сон»

Теодор Каллифатидес родился в небольшой греческой деревне Молаи в 1938 г. Он иммигрировал в Швецию в 1964 г., где сначала работал мойщиком посуды и разносчиком газет, одновременно читая Стриндберга, чтобы выучить шведский язык. В Швеции он смог исполнить давнюю мечту: у него появилась возможность изучать философию в университете. После получения степени бакалавра искусств в 1967 г. он преподавал философию в школе и Стокгольмском университете, а в 1972-1976 гг. был главным редактором литературного журнала издательства Альберта Бонниера (шв. *Albert Bonniers Förlag*).

Как писатель Каллифатидес дебютировал в 1969 г. сборником стихотворений, после чего писал по большей части романы, которых можно насчитать более тридцати. Свои романы и стихи Каллифатидес пишет по-шведски. Среди тем, к которым Теодор Каллифатидес неизменно обращается в своем творчестве, можно отметить, в частности, историю Греции и трагедию гражданской войны, жизнь мигранта и трудности адаптации в новой культурной и языковой среде и тему любви. Можно сказать, что именно Каллифатидес дал начало такому явлению в культурной жизни Швеции как «литература мигрантов» (шв. *invandrarlitteratur*), которая получила распространение в 1980-е гг. и продолжает быть популярной и сейчас, несмотря на то, что сам термин вызывает множество споров.

В своем исследовании мы хотим обратиться к автобиографическому роману Теодора Каллифатидеса «Прошлое – это не сон», вышедшему в 2010 г. Для нас интерес представляют личностные интенции и художественные установки, посредством которых Каллифатидес описывает страну своего детства. Его Греция – это не только страна, разрываемая на части сначала Второй мировой войной, а затем гражданской. Это страна, чей ландшафт населяют герои древнегреческой мифологии, а связь современных людей с античностью представляется более, чем очевидной. Практически все места – регионы, местности, города, которые автор упоминает в тексте – он связывает с каким-либо из древнегреческих мифов, превращая таким образом Грецию в сказочную и вместе с тем жутковатую и опасную страну, отдалённую не только по расстоянию, но и по времени.

Так, во время службы в армии герой три месяца провел в Спарте. Он пишет о том, что «Спарта была еще одним пыльным провинциальным городом» (*"Sparta var ännu en av dessa dammiga provinshuvudstäder"* [6, s. 135]) (здесь и далее перевод автора статьи. – М. М.), о котором, однако, он слышал с самого раннего детства. Его отец сидел в тюрьме в Спарте, где над ним издевались нацисты, однако герой не столько думает об этом городе как о месте, где страдал его отец, сколько то и дело уносится в мечтах в историю Спарты и совершает длительные прогулки в «поисках прошлого, которое, как казалось, не оставило никаких следов» (*"på jakt efter det förflutna, som inte tycktes ha lämnat några spår kvar"* [ibidem]):

«Тонкий ручеек воды цвета охры – это то, что осталось от мифологической стремительной реки Эвротас, где так нравилось купаться титаниде Лето и где ее соблазнил лебедь, которым на самом деле оказался Зевс, главный из богов-олимпийцев... Здесь самая прекрасная женщина древности – Елена Прекрасная – жила до тех пор, пока не сбежала с троянским ловеласом Парисом, став причиной первой в истории мировой войны, и косвенным образом дала начало двум величайшим жемчужинам мировой литературы – «Одиссее» и «Илиаде»» (*"En rännil av ockrafärgat vatten var vad som fanns att se av mytologins strömmande flod Eurotas – där drottning Leto tyckte om att bada och blev förförd av en svan, som givetvis var ärkeguden Zeus... Här hade antikens vackraste kvinna, Helena den sköna, levt tills hon rymde med den trojanske charmören Paris och på det sättet blev hon upphovet till det allra första världskriget och indirekt två av världslitteraturens största skatter, nämligen Iliaden och Odysseen"* [ibidem]).

Подобным образом Каллифатидес описывает и город Элефсис, куда его перевели из Салоник во время службы в армии. Элефсис по Каллифатидесу – это не просто город в двадцати километрах к югу от Афин. Это город, располагающийся недалеко от «камня древней богини Деметры, где она не только отдыхала, но и оплакивала свою потерянную дочь Персефону» (*"Det var inte så långt ifrån den gamla gudinnans Demeters sten på vilken hon hade vilat sig men också begråtit sin förlorade dotter Persefone"* [ibidem, s. 162]).

Однако не только карта Греции рассматривается в романе через призму мифологических представлений: населяющие страну люди оказываются на самом деле персонажами древнегреческой истории и мифологии. Так, например, описывая красивую молодую женщину, на которую приходили тайно любоваться все мальчишки квартала, когда она вывешивала белье во дворе, автор упоминает, что это была «смуглая красавица с острова Метилены, который уже в античности был знаменит эротическими умениями его женщины» (*"en mörk skönhetsfrån ön Mytilene som var beryktad för sina kvinnors erotiska färdigheter redan under antiken"* [ibidem, s. 21]). Другой пример: описывая девушку Мэри, в которую он был влюблен в детстве, автор упоминает, что она была родом «из древнего города Ясона и Медеи – Волоса» (*"från Jasons och Medeas gamla stad Volos"* [ibidem, s. 33]). Когда Мэри уехала домой на каникулы, он скучал по ней, представляя, что она «развлекается на сказочной горе Пелион, где обитали нимфы, кентавры и сатиры, у многих из которых, как оказалось, были мопеды, и один из них украл

ее сердце» (*“som roade sig på det sagoliga berget Pelion, där det vimlade av nymfer, kentaurer och satyrer, av vilka en del hade mopeder, som det visade sig, och en av dem vann hennes hjärta”* [Ibidem, s. 39]).

Человеческие чувства также не остались обделены яркими мифологическими сравнениями Каллифатидеса. Так, любовь он сравнивает с мифологическим разбойником Прокрустом, который подстерегал путников по дороге из Элефсиса в Афины, обманом заманивал в свой дом и укладывал на свое ложе. Если ложе оказывалось мало, он отрубал путнику ноги по длине этого ложа, если же велико – вытягивал ему ноги. Любовь, как и Прокруст, по мнению автора, может сделать человека и больше, и меньше (*“kärleken var en annan Prokroustes som skulle göra oss större eller mindre”* [Ibidem, s. 166]).

О том, что всё вокруг – земля, люди, небо над головой – это наследие древних греков и их мифологии, и человек, родившийся греком, вынужден нести это в себе, думает герой, когда во время службы в армии он приезжает в гости к своему старшему брату. Ночью герою не спится. Он выходит во двор и смотрит на звездное небо: «Быть греком было тяжкой ношей. Предки не успокоились на том, что завоевали Малую Азию и Черное море, Сицилию и северную Африку. Даже на небо они вторглись со своими мифами об охотниках и нимфах, о несчастных сестрах и отвергнутых любовниках. Я устал был греком. Там наверху сияли Плеяды, а тут внизу стоял я» (*“Det var en börda att vara grek. Förfäderna hade inte nöjt sig med att kolonisera Mindre Asien och Svarta havet, Sicilien och norra Afrika. Även himmelen invaderade de med sina myter om jägare och nymfer, om olyckliga systrar och försmådda älskare. Jag var trött på att vara grek. Däruppe lyste Plejaderna och därnere stod jag”* [Ibidem, s. 154]).

Примечательно, что для воссоздания образа Греции в своем автобиографическом романе автор выбирает именно мифологию, давшую название многим вещам и явлениям не только в Греции, но и во всем мире. Используя в качестве культурного маркера мифы Древней Греции, Каллифатидес не только превращает страну своей юности в сказочное пространство, что так свойственно авторам постколониальной литературы, но и объединяет себя в одну нацию с миллионами других греков, связанных одним мифологическим прошлым. Несмотря на то, что всю жизнь протагонист желал избавиться от грека внутри себя и старался максимально слиться со шведским обществом, обращение к вечным мифам во взрослом возрасте возвращает его к корням и пониманию, что «Греция внутри» никогда его не покинет. Примечательна мысль, к которой приходит герой, вернувшись навестить деревню, в которой он провёл детство: «Здесь, в этой деревне было моё место на земле. Даже если там со мной не хотели знаться» (*“Här, i denna by, var min plats på jorden. Även om den inte ville veta av mig”* [Ibidem, s. 148]).

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. Являясь вымышленными конструктами, нация и родина часто представляются в постколониальных романах через отдельные факты родной культуры и истории их авторов. Выбирая одни факты и маргинализируя другие, авторы создают особое художественное пространство родины, имеющее мало общего с реальностью. Так, писатели могут создавать образ целой страны с помощью нескольких деталей, ссылаясь, например, на типичные для нее архитектурные сооружения, музыкальные инструменты или блюда национальной кухни, известные не только самим авторам, но и потенциальным реципиентам [2, с. 88]. Образ страны, являющийся фантазией авторов и героев, можно назвать «воображаемой родиной». Процесс обращения к культурному коду родной страны получил в постколониальной теории название «нативизм» и является способом «возвращения к истокам» и утверждения авторами и героями своей культурной принадлежности. Нередко авторы обращаются для воссоздания образа родины к национальной мифологии и фольклору, превращая её в сказочное пространство. Кроме того, мифология становится опорой и материалом для создания современного мифа о приобщенности индивидуальной национальной идентичности к нарративам прошлого. Одновременно с этим литературный процесс «нативизации» нередко становится причиной того, что сами авторы представляют свою культуру таким образом, чтобы заинтересовать «западного» читателя, то есть подвергают её «экзотизации».

В романе Теодора Каллифатидеса «Прошлое – это не сон» мы наблюдаем явления, свойственные постколониальной литературе в целом. Для воссоздания образа родины автор обращается к мифологии, «населая» художественное пространство романа древнегреческими богами и героями. Являясь автором диаспоры, Каллифатидес испытывает острое чувство тоски по родине, поэтому выбор мифов в качестве культурного маркера при описании родины наиболее подходит для самоутверждения себя как грека: с их помощью он может перенестись на несколько тысяч лет назад, разделив одно культурное прошлое как с древними, так и с современными греками. Так как древнегреческую мифологию хорошо знают во всем западном мире, и публика ожидает, что в романе греческого писателя речь пойдет о богах и богинях, можно предположить, что автор в некотором роде «приспосабливает» роман под шведского читателя, перенося легендарных героев прошлого в современную Грецию, что говорит о свойственной постколониальным авторам «экзотизации» родной культуры для повышения интереса к ней.

Подводя итог, можно сказать, что создание «вымышленной родины» необходимо писателям для утверждения себя как представителей какой-либо национальной культуры, разделяющих общее прошлое и настоящее с миллионами других людей. Одновременно с этим обращение к культурным маркерам помогает реципиенту «опознать» в авторе и герое представителя определённой нации. В романе Теодора Каллифатидеса концепт ВЫМЫШЛЕННОЙ РОДИНЫ проявляется в отсылках к древнегреческой мифологии, не потерявшей актуальности и в современной Греции. Таким образом автор связывает себя узами с многотысячелетней историей греческого народа и одновременно угадывает вкусы «западного» читателя, ожидающего видеть в романе писателя описание его национальной культуры.

Перспективы дальнейшего исследования нам видятся в том, чтобы продолжать работать с постколониальными установками, влияние которых можно обнаружить в современной шведской литературе о мигрантах: умножение социолектов, а также ненамеренное и намеренное искажение шведского языка для более глубокого и полного отражения культурного опыта.

Источники | References

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.
2. Моркина М. А. Образы мигрантов в современной шведской литературе в свете теории постколониализма // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 2. Искусствоведение. Филологические науки. 2017. Вып. 1. С. 85-91.
3. Моркина М. А. Фигура Матери в современной шведской литературе о мигрантах как фактор формирования культурной идентичности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. № 5. С. 1435-1441.
4. Dennis H. M. Native American literature: Towards a spatialized reading. L.: Routledge, 2006. 256 p.
5. Huggan G. The postcolonial exotic: Marketing the margins. L. - N. Y.: Routledge, 2001. 344 p.
6. Kallifatides T. Det gångna är inte en dröm. Stockholm: Albert Bonniers Förlag, 2010. 233 s.
7. Nayar P. K. Postcolonialism: A guide for the perplexed. L.: Bloomsbury Continuum, 2010. 248 p.
8. Rushdie S. Imaginary Homelands // Rushdie S. Imaginary Homelands: Essays and Criticism, 1981-1991. L.: Granta, 1991. P. 9-21.

Информация об авторах | Author information

Моркина Марта Александровна¹

¹ Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Morkina Marta Aleksandrovna¹

¹ Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

¹ marta.morkina@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 14.06.2021; опубликовано (published): 30.07.2021.

Ключевые слова (keywords): постколониализм; шведская литература; мифологизация родины; вымышленная родина; Каллифатидес; postcolonialism; Swedish literature; homeland mythologisation; imaginary homeland; Kallifatides.